

RU

Синтетизм как доминанта автобиографического романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»

Богданова О. В., Ван Цзяо

Аннотация. Цель исследования – выявить доминантные черты автобиографического повествования А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые рассматривается чудаковский текст с точки зрения его жанровой дефиниции и предпринимается попытка встроить произведение в кластер выделенных наукой разновидностей современного автобиографического романа. Полученные результаты показали, что доминантной особенностью текста Чудакова становится не его «филологическая» составляющая, а синтетизм, который вбирает в себя как черты автопсихологической прозы, так и традиционного «романа воспитания» (отчасти «семейного романа»).

EN

Synthetism as Dominant of A. Chudakov's Autobiographical Novel “A Gloom Is Cast upon the Ancient Steps”

Bogdanova O. V., Wang Jiao

Abstract. The paper aims to reveal the dominant artistic features of A. Chudakov's autobiographical novel “A Gloom Is Cast upon the Ancient Steps”. Scientific originality of the study lies in the fact that the researchers for the first time analyse Chudakov's text from the viewpoint of its genre specificity and try to identify its genre affiliation relying on the existing classification of modern autobiographical novels. The research findings are as follows: in Chudakov's text, the philological component is less significant; the novel is of multi-genre nature and combines features of the autobiographical novel and the traditional “Bildungsroman” (partially “family novel”).

Введение

Богатство современной русской литературы, различные пути ее развития порождают многообразие жанровых форм нарративных стратегий писателей. Все чаще в отечественной литературе появляются «гибридные» жанровые образования, включающие в себя квалификационные признаки различных жанровых образований. Эта тенденция находит свое отражение и в так называемой автобиографической прозе, которая, как известно, вбирает в себя черты документальности и вымысла, следует законам объективности и одновременно не чужда приемам намеренной субъективации повествования. Поэтому актуальность настоящей статьи обусловлена, с одной стороны, наличием видовых разновидностей автобиографической прозы, с другой – необходимостью изучения теоретических аспектов автобиографической прозы отдельных ее представителей. Материалом для работы послужил роман известного литературоведа и писателя Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», текст, вбирающий в себя различные черты автобиографической наррации. В задачи настоящего исследования входит необходимость обнаружить особенности жанрового синтеза романа А. Чудакова; осмыслить вопросы соотношения правды и вымысла в его автобиографическом тексте; наметить характер взаимодействия образов центрального героя (автогероя) и автора; проанализировать черты пространственно-временной организации автобиографического пространства (хронотопы биографический и эпический) – и на этом основании выявить своеобразие художественной автобиографии А. Чудакова.

Основными методами, применяемыми в процессе данного исследования, избраны типологический и поэтологический в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия прозы Александра Чудакова.

Теоретической базой работы явились труды по истории современной русской литературы и по вопросам автобиографической прозы таких авторов, как Д. С. Лихачев [12], М. М. Бахтин [2], С. С. Аверинцев [1],

Л. Я. Гинзбург [7], Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий [11], Т. Н. Бреева [5], Е. М. Болдырева [3], Е. С. Добин [8], Т. М. Колядич [10], Н. А. Николина [15], С. И. Машинский [13], Г. И. Романова [17], В. Е. Хализев [20] и др.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении современной русской автобиографической прозы, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературы XX и XXI века в вузовском и школьном преподавании.

История вопроса и доминанты аналитических аспектов

О романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» писали многие современные критики, среди них А. С. Немзер [14], А. А. Долинин [9], С. Г. Бочаров [4], А. Д. Степанов [18], И. З. Сурат [19], И. В. Ракова [16], Э. Ф. Шафранская [23], Ю. Н. Чумаков [22], И. С. Булкина [6] и др.

По воспоминаниям И. Сурат, начало работы над романом положила поездка Чудакова в Южную Корею, где он оказался «на заработках»: «...исследовательской работой невозможно было заниматься – ни библиотеки, ни картотеки, ни архива – и вот в один прекрасный день он положил перед собой белый лист бумаги и начал писать роман» [19, с. 214]. Действительно, роман стал «освобождением» [Там же, с. 215] от тех впечатлений жизни, которые носил в себе ученый и беллетрист (как вспоминают друзья Чудакова, он всегда писал не только научные работы, но и стихи и прозу, заметки, вел дневники), «избавлением» от «истории внука века» (название статьи И. Булкиной), «последним поклоном» его деду. Неслучайно «рабочее название» будущего романа было «Смерть деда» [22, с. 227–228], вокруг последних дней которого (в главном) и разворачивается сюжет романа.

Автобиографическое повествование Чудакова – по природе жанра должно быть повествованием «о времени и о себе» – в структурном плане организовано образом деда: кольцевое обрамление текста обеспечено известием о желании деда проститься с родными перед уходом и в финале – его смертью. Другое дело, что весь временной отрезок «от» и «до» опосредован образом внука, его восприятием, его впечатлениями, его раздумьями по поводу изображаемого. Дед существует в романе не сам по себе, но в тесной связи с внуком: тем самым Чудаков в традиции русского реалистического романа прочно связывает две субъектные ипостаси: дед и внук (например, в традиции аксаковского «...Багрова-внука» или горьковских «Деда Архипа и Ленки»). Уже только тип героя (пары героев) романа выводит его на уровень «романа-воспитания», отчасти «семейного романа», «семейной хроники», широко и многогранно разработанных в русской литературе.

Однако подзаголовок, который предлагает автобиографическому роману Чудаков, – «роман-идиллия» [21, с. 3]. Странный в отношении ко времени, в котором пишется роман, и к тем событиям, которые в нем изображаются (главным образом сталинские 1930-е годы, герои, сосланные и/или репрессированные, эвакуированные в годы войны и др.), подзаголовок в отношении к паре героев «дед – внук» обозначает и определяет «идиллический хронотоп», который, как становится ясно по тексту, окрашивает «идиллические» же отношения парных – центральных – персонажей. И тогда автобиографическое повествование Чудакова принимает двойственный характер. Это *автобиография* одного героя, но это и *биография* второго, биография одного живо влияет на автобиографию второго. Традиционный аспект автобиографического повествования – процесс личностного становления героя – оказывается напрямую связанным с участием в этом процессе персонажа-деда, без которого, по мысли автора, взросление и становление юного героя не могло бы состояться.

Традиционные для автобиографического романа *биографическое* время (хронотоп) героя и *эпическое* время (хронотоп) повествователя в романе Чудакова словно бы меняются местами: биографическое время (= время действия) закрепляется за дедом, эпическое (= рефлексивное) передается внуку, от лица которого ведется повествование. Причем наррация в первую очередь ведется о дед, и только во вторую – о себе, ибо (по установке Чудакова) без первого не было бы (и не могло бы быть) второго.

В композиционном плане роман-автобиография Чудакова, с одной стороны, как уже было сказано, «окольцовывается» (обрамляется) временем ухода из жизни деда героя (*от* и *до*), с другой – текст состоит из 38-ми отдельных главок, каждая из которых сохраняет свою изолированность и самостоятельность, хотя и связана образами автобиографического героя Антона и его семьи (не только деда, но и бабушки, отца, матери, дяди, тети, братьев и сестер и т.д.). Объективированный тип (все)романного хронотопа заменяется и вытесняется у Чудакова хронотопом «семейным», «частным», почти «личностным». Его семья (*малое*) становится метонимическим заместителем истории всей России (*большого*).

Ракурс «выживания» (спасения, сохранения) семьи (России) позволяет Чудакову использовать поджанровую дефиницию – роман-*идиллия*. Для писателя это не просто время «счастливого детства» героя, но и идиллический пример существования, когда вся семья – единое целое, хотя и состоящее из отдельных единиц – в своей совокупности способна противостоять окружающей не-идиллии (сталинскому террору и советским законам жизнеустройства). Поэтому сказать, что чудаковская идиллия идилично (или пасторальна) настолько, насколько идилично «повествование любого автора о своем детстве» [6, с. 199], не вполне верно. Идиллия Чудакова – это не идиллия детства автобиографического героя, а идиллия семьи и рода.

Заметим, в автобиографическом повествовании, по определению, основанному на реальных событиях и рассказах о реальных людях, Чудаков подменяет подлинные названия и имена на вымышленные и делает это намеренно (Александр → Антон, Чудаков → Стремоухов, город Щучинск → Чебачинск и др.). С одной стороны, писатель словно бы «стесняется» говорить о самом себе открыто («нескромно»), с другой – сразу

привносит в автобиографическое повествование элемент доммысла и вымысла, подсказывает читателю стратегию беллетризации текста, его «олитературивания». И еще и потому, что за историей семьи Саввиных-Стремоуховых он вырисовывает историю страны, народа, России. Принцип автобиографической локализации благодаря тактике художественности допустимо сдвинется в сторону типизации.

Некоторые исследователи полагают, что мир, от которого отгораживают себя герои Чудакова, «чужой и злой» [18, с. 407]. Однако, на наш взгляд, это не так или не вполне так. Особенность повествования Чудакова составляет не *противопоставление* героев романа «другим», а *сопоставление*: понимание разницы, учтивание ее, но не объявление непримиримой войны, не акцентуация враждебности в отношении к «внешнему» миру. Чудаковские герои существуют в мире «неидиллическом» и не вступают с ним в активную борьбу-противостояние. Скорее наоборот, они ищут способы *сосуществования* (уживания в нем), но не приспособлением (приспособленчеством), а посредством мудрого приятия противоречий мира такими, какие они есть.

Основные константы автобиографического повествования А. Чудакова (система образов, хронотоп, литературоцентризм)

Главным учителем и наставником автобиографического героя Антона в романе оказывается дед. Внука дед учил всему: «...читать, копать, пилить, видеть растение, облако, слышать птицу и слово» [21, с. 312]. Но, как показывает Чудаков, учителей у автогероя было много. Каждый из домочадцев семьи Саввиных-Стремоуховых знает дело и занимается своим делом как в пределах избранной им области профессиональных знаний, так и шире (например, жизни «натурально», по-крестьянски). Все вместе они – труженики, каждый из них выполняет свою работу и никогда не бежит от нее, какой бы она ни была: легкой или тяжелой, чистой или грязной, простой или сложной. Основной принцип семьи – делать свое дело хорошо, ответственно, честно, будь то перекапывание огорода, штопанье дыр, чистка клозета или выполнение домашних уроков. Люди разных профессий, разного возраста, разных интересов вместе трудятся во благо семьи, занимаются общим хозяйством, помогая друг другу и поддерживая родных и близких.

Мотив работы составляет важную компоненту жизни героев Чудакова. И этот мотив формирует важную особенность художественного мира героев автобиографического романа – предметность мира, его конкретность и вещность. «Изобилие материальных и бытовых подробностей удивляет нас в романе-идиллии. Словно мы читаем старый добротный русский роман» [4, с. 522]. Герои Чудакова не приобретают некие вещи, которые им нужны, не покупают их, но создают – творят – их сами. Идиллия мира чудаковских героев формируется их всеумением: быть и плотником, и механиком, и зоотехником. И каждая грань умения членов дедовой семьи обеспечивает историю той вещи, что они создали, со-творили. По наблюдению А. Немзера, «всякая “вещь” у Чудакова имеет историческое и человеческое измерение. Она – плод рук человеческих (умелых или неумелых), она не только знак, но и неотъемлемая часть времени» [14, с. 234]. Хронотоп бытовой и хронотоп исторический совмещаются.

Бытовой хронотоп семьи Саввиных-Стремоуховых хотя и погружен в идиллическое пространство романа, но не идеален и не идеализирован. Каждый успех, как демонстрирует повествователь, достигается семейными усилиями и стараниями, которые обеспечены каждым из членов семьи, его характером и его волей. И хотя когда-то может прозвучать реплика отца героя: «Работали как проклятые день и ночь. <...> Рабство! И все равно было голодно» [21, с. 382], однако она не меняет общей установки семьи на необходимость (и желание) работать, делать дело. Как справедливо отмечает А. Степанов, «уникальность позиции рассказчика состоит в том, что он не ставит физический труд ниже интеллектуального... никак не чувствует его вынужденность и оказывается способен получать удовольствие от *любой полезной работы*» [18, с. 407] (выделено авторами статьи. – О. Б., Ц. В.).

Чудаков видит условия формирования личности не в обществе, а в семье, не в социальной истории, а в личности человека, который оказал на растущего подростка самое большое влияние. Примечательно и то, что в мире автобиографического героя Чудакова (в процессе его становления) важны не только люди, но и животные, птицы и даже насекомые. Для взросления юного автобиографического персонажа важным оказывается не только знание о Наполеоне и наполеоновской кампании, но и сведения о черепахе на острове Святой Елены, куда был сослан император и где каждое утро кормил вековую черепаху фруктами. По мысли Чудакова, память о великом человеке продолжает жить и в его музеефицированных вещах (на острове Святой Елены сохранен дом, в котором умирал Наполеон), и в этой черепахе, на которую приезжают посмотреть люди со всего мира. Заметим, что и в «частном» мире героя Чудакова тоже есть такие животные – конь Мальчик, корова Зорька, пес Цыган или бык Черномор, которые в его памяти тесно связаны с детством и неотделимы от воспоминаний о деде.

Соседское (в самом широком смысле) окружение Саввиных-Стремоуховых размыкает идиллический хронотоп повествования, позволяет органично внедрить в него события затекстовые, фоновые, но исторически значимые и подлинные. Даже перемена места (географического локуса) центрального автобиографического героя не оказывает на повествование большого влияния. Герой-повествователь, который, как ясно из текста, проживает в Москве, в рамках романного повествования остается в пределах идиллического хронотопа своего городка Чебачинска. Повествование построено так, что хронотоп Москвы как бы подчиняется хронотопу Чебачинска, потому что именно там сосредоточен эпицентр автобиографического повествования, именно там остается детство и там умирает герой-дед. Другими словами, Чудаков не апеллирует к реальному пространству или времени, к географическим широте или долготе, но сосредоточивается на координатах нравственных, моральных, внутренних.

Сюжетный ряд автобиографического романа Чудакова оказывается мнимым, видимой и реализованной сюжетной линии в романе нет. Завязка романа, которая соположена с призывом деда ко всем родным приехать и выслушать последнюю волю, получает развязку в финале через унаследование дедовского дома Колькой и главное – через смерть самого деда. Кажется, пунктирный сюжет есть. Однако мотив прощания с дедом неизменно находится на «заднике», не выходит на передний план – трагическая неизбежность очевидна, но она лишь активизирует память автобиографического героя, заставляет его живее обращаться к прошлому: к истории жизни деда и истории его влияния на себя-внука. Фабула жизненной судьбы деда и фабула становления личности внука оказываются у Чудакова столь тесно переплетены, что (кажется) отделить одну от другой невозможно. Время биографическое и время эпическое тесно спаяны и слиты воедино.

Сюжет одного из главных героев – деда – словно бы остается «за текстом», растворяется в «подтексте». Он не видим, но ошутим. Вдумчивый читатель даже может уловить его кольцеобразное завершение, реализованное на композиционном уровне.

Сюжет другого главного героя – внука (а в данном случае еще и автобиографического героя автобиографического повествования) – серьезно заслонен «дедовым» сюжетом, хотя и незримым, но ошутимым. Сюжет внука словно бы складывается из частиц дедова сюжета, ибо процесс становления личности автобиографического героя Антона может быть прослежен только в тех эпизодах, когда нарратор вспоминает о «присутствии» деда (явном или неявном). Всё остальное – только отдельные и отделённые воспоминания, «побочные» впечатления, которые придают краски сюжету, но не участвуют в его формировании и структурировании.

Между тем наряду с людьми, которые формировали мир молодого героя Чудакова (персонажа автобиографического), наряду с дедом героя Антона, как позволяет понять повествователь, важным условием взросления автобиографического героя было Слово. Литературная составляющая, как показывает Чудаков, органично входит в процесс становления автобиографического героя, оказывается одним из тех «китов», на которых базировалось формирование личности эгоперсонажа.

«Литературность» образа чудаковского героя, его зависимость от Слова обнаруживает себя уже в том, что автобиографического персонажа зовут Антон. А если учесть то, что аббревиатура его имени и отчества дает А. П., то становится понятно, что Чудаков «играет» с читателем, словно бы напоминая реципиенту автобиографического романа, что его герой и автор – филолог-чеховед. По словам С. Бочарова, «литературовед на наших глазах обернулся писателем-романистом, оставаясь верен своей филологии», «читатели “романа-идиллии” сразу опознали в авторе филолога», «и чеховеда опознали, поставившего интимный чеховский знак на герое романа, назвав его Антоном» [4, с. 519, 521, 522].

Неслучайно в тексте Чудакова звучит мысль о том, что история как наука «тщетна» (напомним, что герой задумывает труд «О тщете исторической науки» [21, с. 259]), но формирует историческое знание *литература*. Герой повествования проводит мысль о том, что знание событий Пугачевского крестьянского восстания известно каждому русскому из какой-то «повестушки» [Там же, с. 263] Пушкина «Капитанская дочка», а история войны 1812 года встает в памяти не иначе как по страницам романа Л. Толстого «Война и мир». Чудаков (и его герои, в том числе дед) видит разницу между событиями, изображенными в «Капитанской дочке» и в «Войне и мире», и их реальным содержанием и смыслом (достаточно вспомнить о злодее и разбойнике Пугачеве из пушкинской же «Истории пугачевского бунта» или о реляции Кутузова царю Александру о «победе» русских на Бородинском поле). Но, по мысли Чудакова, литература выше истории, «правды истории», полнее и объемнее, поскольку затрагивает не только знание, но и воображение, не только ум, но и сердце, вбирает человеческое знание во всем его многообразии. Потому и в память о деде герой-повествователь пишет не мемуары, а роман, не пытается отказаться от беллетризации (литературности), а наоборот, уповаает на силу ее воздействия.

Герой Чудакова (даже в юности, может быть, еще не осознавая этого) воспринимает *мир как текст*. Для него город – книга, баня – газета. Именно так он и говорит: «Баня была не просто моечным заведением – она была клубом, кафе. <...> Баня была клубом, своей газетой» [Там же, с. 301]. Герой вспоминает баню и посягает ее «литературную» сущность.

Слово, как показывает Чудаков, завораживало героя в любых своих проявлениях: письменном и устном, домашнем и «банном», нормативном или «обсценном». Автобиографический герой Чудакова, приобщенный к Слову, может найти «писателя» везде – даже на сенокосе. Он рассказывает о выезде на покос в отдаленные местности и вспоминает «коллегу отца» по фамилии Улыбченко («который никогда не улыбался» [Там же, с. 361]) – и этот эпизод дает повод автогерою рассказать о литературном труде «новоиспеченного» косаря.

Мир, который окружает героя в провинции, насквозь литературен. Потому рассуждения о бытовых трудностях, голоде и нищете вполне закономерно могут быть сравнены с трудностями литературных героев Диккенса или Бальзака («так же, как у Диккенса или Бальзака» [Там же, с. 159]). А система школьного образования – с пушкинским Царскосельским лицеем («Почему пушкинский Лицей стал питомником таких разных растений, столь пышно расцветших?», а мы – «цитируем одни и те же строчки из Маяковского и Николая Островского?» [Там же, с. 176]).

Литература становится *универсальным мерил*ом для чудаковского героя: по литературе (русской и мировой) определяется и истинность и достоверность обстоятельств, и человечность и гуманность решений, даже политическая система того мира, в котором живут герои Чудакова.

Слово и литература пронизывают все сознание (и душу) автобиографического героя. Неслучайно время «отлитературное» и «частное» в какой-то момент сливаются в представлении автоперсонажа: «С какого-то времени он начал переживать смерть Пушкина как личное горе, свой день рождения, совпадающий с датой

его смерти, праздновать перестал, потому что почти заболел в этот день и нисколько не удивлялся явлению стигматов – когда в день распятия Христа у некоторых людей появляются кровоточащие раны на запястьях и ступнях» [Там же, с. 409]. И такое чувство автогероя – не поза, не самолюбование, а отражение прочной связи автобиографического героя со Словом, с текстом, с литературой, с литературной реальностью.

Заключение

На основании анализа автобиографического романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени...» можно сделать следующие выводы. Прежде всего следует констатировать, что чудаковский роман (согласно рабочей гипотезе) действительно синтетичен, то есть вбирает в себя признаки различных модификаций биографического повествования. Правда и вымысел в его тексте находятся на уровне подвижной взаимозависимости: опора на реальные воспоминания автогероя дополняется художественным домысливанием (вымыслом) автора. Центральным героем повествования оказывается не столько «я»-герой, сколько его дед, «он»-герой, образ, характерный не автобиографическому, а скорее типу семейного романа или романа воспитания. Пространственно-временная организация автобиографического повествования Чудакова (хронотопы биографический и эпический) оказываются в позиции взаимозаменяемости и взаимодополнительности, структурируя роман особым, не привычным для автобиографической наррации способом. Наконец, весьма важно и то, что автобиографический роман Чудакова намеренно ориентирован на беллетризацию («олитературивание»), на пронизанность элементами художественной прозы. Приемы мемуарного или документального (под)жанров не чужды Чудакову, но его установка на «свободный роман» делает его повествование открытее, насыщеннее, богаче, ставит его в ряд «настоящих русских романов» [14, с. 238].

Перспективы дальнейшего исследования. Прделанная работа заставляет наметить перспективы дальнейшего научного осмысления данной темы. Так, один из самых сложных и многоаспектных ракурсов романа Чудакова – это жанровая поливалентность, синтетичность, гибридность. Рассмотрение новых (иных в сравнении с данной работой) и более подробный анализ уже выделенных слагаемых жанрово-стилевого своеобразия автобиографического романа Чудакова могут составить важный и интересный ракурс дальнейшего научного исследования.

Список источников

1. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 447 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Болдырева Е. М. Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX - начала XXI в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 34-44.
4. Бочаров С. Г. Синяя птица Александра Чудакова // Бочаров С. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 518-526.
5. Бреева Т. Н. «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 14-17.
6. Булкина И. С. История внука века // Знамя. 2012. № 8. С. 198-201.
7. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 413 с.
8. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Сов. Писатель (Ленингр. отд-ние), 1981. 431 с.
9. Долинин А. А. Памяти А. П. Чудакова // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 202-204.
10. Колядич Т. М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.
11. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Русская литература XX века (1950-1990-е годы): в 2-х т. М.: Академия, 2010. Т. 2. 1968-1990. 688 с.
12. Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. 406 с.
13. Машинский С. И. О мемуарно-автобиографическом жанре // Вопросы литературы. 1960. № 6. С. 129-145.
14. Немзер А. С. Мир Чудакова // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 230-238.
15. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 422 с.
16. Ракова И. В. Об одном из приёмов построения речи в автобиографическом романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Мир русского слова. 2012. № 4. С. 87-91.
17. Романова Г. И. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 15-17.
18. Степанов А. Д. Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова // Тыняновский сборник. М.: Водолей, 2009. Вып. 13. XII-XIII-XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. С. 400-411.
19. Сурат И. З. Слово и мир Александра Чудакова // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 214-220.
20. Хализев В. Е. Теория литературы. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.
21. Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 512 с.
22. Чумаков Ю. Н. Воспоминания и размышления об Александре Чудакове // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 225-229.
23. Шафранская Э. Ф. Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 4. С. 140-147.

Информация об авторах | Author information**RU****Богданова Ольга Владимировна¹**, д. филол. н., проф.
Ван Цзяо²^{1, 2} Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург**EN****Bogdanova Olga Vladimirovna¹**, Dr
Wang Jiao²^{1, 2} A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg¹ olgabogdanova03@mail.ru, ² tianran1987@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 22.01.2021; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): современная русская автобиографическая проза; А. Чудаков; документализм; вымысел и домysel; жанр; modern Russian autobiographical prose; A. Chudakov; documentalism; fiction and fantasy; genre.